

СИСТЕМНЫЙ ВЗГЛЯД НА ЭКОНОМИКУ: ПОЗИТИВНАЯ КРИТИКА МЕТОДОЛОГИИ И ТЕОРИИ Г.Б. КЛЕЙНЕРА

А.В. Бузгалин, А.И. Колганов

В статье представлены результаты критического анализа новой теории экономических систем, разрабатываемой Г.Б. Клейнером, проведенного с целью выявления направлений ее развития. Дана характеристика эвристического потенциала основных методологических положений анализируемой концепции. Выявлены задачи, решение которых остается за рамками теории экономических систем Г.Б. Клейнера, и предложен авторский вариант типологизации социально-экономических систем, обеспечивающий решение этих задач. Акцентируется внимание на сходстве и различиях рекомендаций для экономической политики, следующих из двух версий моделей экономических систем, – модели, предложенной Г.Б. Клейнером, и модели, разработанной авторами статьи.

Ключевые слова: теория экономических систем Г.Б. Клейнера, политическая экономия, трансформации социально-экономических систем, типологизация социально-экономических систем, экономическая политика.

Изучение вопросов методологии экономической теории в последние годы (если не десятилетия) стало малопопулярным жанром научной деятельности. Тем не менее мы хотим обратиться именно к этой сфере исследований и остановиться, в частности, на так называемом системном подходе в экономической теории.

Притом что едва ли не 99% диссертационных и иных солидных исследований в предисловиях уверяют, что они используют этот метод, реально подавляющее большин-

ство авторов не ставят перед собой даже тех простейших задач, которые обязывается решить любой исследователь, взявшийся применять системный метод. Среди них – выделение: 1) системного качества исследуемого объекта и, соответственно, его границ, что позволит далее относительно строго утверждать, что в данный момент в данном месте эта система *есть*, а в другой момент и в другом месте – ее *нет*; 2) элементов и 3) структуры системы. Данные три характеристики – системное качество объекта, элементы и структура системы – абсолютно недостаточны для системного взгляда на экономику, но столь же абсолютно необходимы для начала исследования, использующего системный подход.

Далее встает целый ряд гораздо более серьезных вопросов, в процессе решения которых исследователь выбирает, какому подходу он следует: позитивистскому или диалектическому, основанному на математическом моделировании или не использующему его арсенал, близкому к парадигме неоклассики или иной школы экономической теории и т.д. и т.п. Мы в данном тексте не собираемся обсуждать проблемы всех этих альтернатив и хотим остановиться только на критике одной из самых разработанных (а в России – самой разработанной) теоретической версии системного подхода в экономике, представленной в работах Г.Б. Клейнера (см.: (Клейнер, 2007, 2011, 2013а, 2013б, 2015, 2016)).

Оговоримся: *авторы статьи имеют в виду критику позитивную*. Как старые марксисты и, более того, гегельянцы, мы считаем критическое прочтение теории условием ее развития, а некое приращение теории – основной похвалой в адрес ее автора. Мы не уверены в том, что Г.Б. Клейнер в полной мере согласен с этим взглядом, да и иное развитие идей может оказаться их искажением, но... «волков бояться – в лес не ходить».

Итак, что, на наш взгляд, следует положить в основу такого критического прочтения с целью выявления направлений дальнейшего развития предложенной Г.Б. Клейнером концепции?

© Бузгалин А.В., Колганов А.И., 2016 г.

Прежде всего подчеркнем: *экономической теории необходим акцент на системном подходе*, и то, что Г.Б. Клейнер его делает, трудно переоценить. Но на этом нельзя останавливаться, и потому ниже мы выделим ряд положений, требующих, на наш взгляд, поддержки, критического развития и дополнения.

1. ПОТЕНЦИАЛ МОДЕЛИ

Г.Б. КЛЕЙНЕРА: НЕКОТОРЫЕ КОРРЕКТИРОВКИ И ДОПОЛНЕНИЯ ТЕОРИИ ДИНАМИКИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Первое, достаточно очевидное, но важное и редко используемое методологическое положение Клейнера – системы рождаются, функционируют, трансформируются, ликвидируются и взаимодействуют¹ – носит в определенной мере диалектический характер, находясь в некотором диссонансе с большинством других положений этого ученого, опирающегося, как правило, на методологию позитивизма. Нам оно, однако, кажется одним из

¹ «Согласно обобщенной системной парадигме, экономика данной страны как целое рассматривается, с одной стороны, как макросистема, взаимодействующая с другими статусными макросистемами, такими как государство и общество <...>, а с другой – как пространственно-временная арена *возникновения* (создания), *функционирования* (деятельности и взаимодействия), *трансформации* (реорганизации) и *ликвидации* (слияния, поглощения, расформирования и т.п.) экономических систем разного уровня и локализации. В качестве таковых могут выступать предприятия, их группы и устойчивые союзы, кластеры, регионы, отрасли, рынки и т.п., а также относительно краткосрочные экономические феномены: инвестиционные проекты, иные коллективные мероприятия, проведение R&D, внедрение новшеств и др. <...> Взгляд на экономику как на совокупность *взаимодействующих* систем отличается от традиционного» (курсив наш. – А.Б., А.К.) (Клейнер, 2013а, с. 5).

наиболее значимых, и потому именно с этого пункта мы начнем свои комментарии.

Здесь сразу хочется кое-что уточнить, внося коррективы в гегелевско-марксистском стиле.

Начнем с некоторой генерализации приведенного выше положения Клейнера. Мы беремся утверждать (и этот тезис *сам по себе* не содержит ничего оригинального), что *реальные, объективно существующие экономические системы бытийствуют в а) социально-экономическом времени и б) социально-экономическом пространстве*.

Это утверждение столь же очевидно, сколь и важно: любой объект имеет временные и пространственные характеристики. Однако при переходе к экономической материи эта банальность оборачивается научной проблемой, ибо хорошо известно, что социально-экономические время и пространство принципиально отличны по своим характеристикам от астрономического времени и географического пространства². Так, в рыночной экономике время измеряется не секундами, часами и годами, а... деньгами («время – деньги!»), пространство – сферами рыночных транзакций и т.п. В результате каждая экономическая система может и должна быть определена с точки зрения присущего ей *особого социально-экономического хронотопа*³ или несколь-

² Об особенностях социально-экономического времени и пространства подробнее см.: (Бузгалин, Колганов, 2015).

³ Хронотоп («время-пространство») – в широком смысле – философское понятие, введенное в отечественную науку М. Бахтиным и отражающее единство пространственно-временных характеристик объекта. В работах Бахтина использовалось первоначально для философского осмысления художественных произведений и рассматривалось как втягивание пространства через сюжетное развитие в процесс движения, вследствие чего пространство обволакивает собой ось времени, а само время сгущается и уплотняется (см. (Бахтин, 1975)). Ниже это понятие используется авторами применительно к общественным процессам и явлениям как обозначение

ких социально-экономических хронотопов, характеризующих ее в данный момент астрономического времени и в данной точке географического пространства.

Поясним эту мысль. Даже такая «минимальная» социально-экономическая система, как индивид, как правило, пребывает в нескольких экономических временах и нескольких экономических пространствах. Так, современный житель российской глубинки пребывает одновременно и однопространственно, как минимум, в хронотопах⁴:

- патриархального мира, где время идет по кругу, «золотой век» остался в прошлом, а социально-экономическое пространство ограничено простейшим набором жизненных функций семьи, реализуемых преимущественно в границах своего поселка и райцентра;

- постсоветского патернализма, задающего пространство-время вертикальной зависимости от государства (в лице местного начальника);

- позднего капитализма полупериферийного типа, вовлекающего такого человека в зависимость от мировых цен на нефть и курса доллара хотя бы потому, что от этого зависят цены на продукты, зарплата, пенсия и т.п.

Отсюда промежуточный вывод 1.1: *всякая экономическая система обладает пространственно-временными социоэкономическими характеристиками, ей присущ определенный (изменяющийся) хронотоп (хронотопы)*. Содержательно этот хронотоп задается системным качеством того экономического феномена, который мы исследуем, – индивида, предприятия, национальной экономической системы и т.п. – и (или) системным качеством той метасистемы, в которую включен данный объект (например, спецификой социально-экономической системы, в которой живет и работает человек).

такого единства социального пространства-времени, при котором некий феномен имеет взаимосвязанные пространственные и временные координаты.

⁴ Подробнее об этом см. в серии статей: (Бузгалин, Колганов, 2014а, 2014б, 2014в).

Далее. Включение временного и пространственного аспектов обуславливает еще один важный вывод (вывод 1.2): *социально-экономическая система имеет свои пространственные и временные границы и пределы развития*.

Последнее особенно важно и как бы «потеряно» (во всяком случае – не акцентировано) у Клейнера. Здесь следует сделать оговорку: временной и пространственный аспекты в концепции Клейнера присутствуют, более того, они имеют существенное значение, являясь основой для выделения четырех групп (классов) систем – процессных, объектных, проектных и средовых⁵. Но локализация в пространственно-временном континууме рассматривается Клейнером с позиций, существенно отличающихся от тех, на которых мы акцентировали внимание. Отличие это проявляется в том, что в концепции Клейнера ограниченность или неограниченность в пространстве и во времени не определяется объективными факторами, а является результатом восприятия «общественным наблюдателем»⁶.

⁵ «Наличие/отсутствие априорных временных/пространственных ограничений служит естественным классификационным признаком для первичной дифференциации экономических систем» (Клейнер, 2013а, с. 9).

⁶ Приведем рассуждения об этом самого Клейнера: «Когда речь идет о неограниченности системы во времени, это означает, что априорные имманентно присущие временные ограничения ее существования отсутствуют, срок ее жизни неизвестен. Такая система ведет себя и воспринимается общественным наблюдателем так, как будто ее функционирование бесконечно (для предприятий неограниченность во времени нашла свое выражение в общепризнанном принципе непрерывности деятельности, «going concern»). Аналогично, когда мы говорим о неограниченности системы в пространстве, это означает, что априорные и имманентно присущие системе пространственные ограничения на ее локализацию неизвестны. В общем случае можно говорить о степени выраженности характеристик локализованности системы, об уверенности в принадлежно-

Для исследователя, однако, принципиально важно постоянно учитывать тот факт, что независимо от кажущейся «наблюдателю» непрерывности существования системы не только возникают, но и *уходят в небытие*. Иными словами, всякий исследователь, претендующий на определение некоторого социально-экономического системного качества, должен дать ответ на вопрос о том, где и когда эта система есть, а где и когда ее нет. Соответственно переход данной системы из ее небытия (говоря словами Гегеля, «определенного ничто», ибо «ничто от некоторого нечего есть некое *определенное* ничто» (Гегель, 1953, с. 209)) к бытию может быть определен как ее возникновение (рождение, генезис, «рассвет»), обратный переход – от бытия к ничто – как прехождение (умирание, «закат»).

За этими абстрактно-гегельянскими формулами скрыты существеннейшие социально-экономические проблемы. Подчеркнем только одну из них – проблему *генезиса и «заката» рыночной экономики*. Позволим себе в связи с этим задать только два вопроса. Когда рыночные отношения стали господствующими в мировом масштабе? И происходит ли уже сейчас процесс «заката» рыночной экономики и рождения более прогрессивных (т.е. обеспечивающих большие возможности развития человека и общества) пострыночных отношений?

Как ни странно, ответ на эти самоочевидные с точки зрения исследователя, признающего исторический подход, вопросы, без которых нельзя считать достаточно строго определенным ключевое понятие современной экономической теории – рынок, – не только мало кем дается, но и сами вопросы *чрезвычайно редко ставятся*. Большинство исходит из того, что рынок – нечто «естественное», как бы вечное, инвариантное и потому не требующее строгого определения. Между тем как только встает хоть сколько-нибудь принципиальный вопрос экономической

политики – например, о введении активного селективного государственного регулирования, – тут же «рыночники» жестко отвергают это предложение, ибо они «нутром чувствуют», что эта мера будет означать существенный шаг в направлении ограничения рынка и формирования ростков нового качества социально-экономической системы (речь идет о системном качестве системы, которое согласно диалектическому подходу определяет ее свойства).

Мы уже не раз обращались к этой теме (см. (Бузгалин, Колганов, 2004)) и потому сейчас отметим только два любопытных аспекта. Первый: большинство жителей планеты Земля стали производить продукцию преимущественно для реализации на рынке и потреблять продукты, приобретаемые преимущественно посредством рыночных механизмов, едва ли только с середины (а то и со второй половины) XX в.; до этого большая часть граждан стран «реального социализма», включая Китай, а также крестьян из многих стран, например Индии, жили иначе. Второй: со второй половины XX в. до 50% ВВП многих европейских стран перераспределяется государственными институтами разных уровней в соответствии с нерыночными критериями. Так что, с одной стороны, рынок совсем недавно стал системой, действительно господствующей в мировом масштабе, но с другой стороны, в ряде случаев уже можно сказать, что начался его «закат»...

Впрочем, этот пример – не более чем прием *остранения* – указание на сугубую проблемность того, что большинству кажется очевидным. В данном случае это был способ проблематизации такой темы, как рождение и «закат» экономических систем.

Качественные скачки – возникновение и прехождение системы – в реальном социально-экономическом хронотопе осуществляются как диалектическое единство революционных и эволюционных изменений, составляющих *пространство-время социально-экономических трансформаций*. Акцент, который Клейнер делает на этом феномене, на наш взгляд, заслуживает самого пристального

сти конкретной системы к числу пространственно или хронологически ограниченных или неограниченных» (Клейнер, 2013а, с. 9).

го внимания. И дело здесь не в том, что авторы вот уже более 20 лет работают над этой проблемой⁷, а в том, что в реальности *большая часть социально-экономических систем большую часть своей «жизни» пребывает не в состоянии стабильного функционирования, а в процессе трансформаций*. Зафиксируем это как вывод 1.3 и прокомментируем его, напоминая читателю то, что авторы уже давно представили научной общественности.

Трансформации социально-экономических систем, как уже было отмечено, представляют собой единство качественных, революционных скачков и эволюционных изменений. Оставим в стороне первые и обратимся ко вторым.

Качественному скачку, знаменующему собой рождение новой системы⁸, предшествует появление ростков нового качества в недрах предшествующей («старой») системы. И с того момента, когда дальнейший прогресс некой системы *X* начинает требовать привнесения ростков новой, мы можем говорить, что система *X* вступила в период своего *прехождения*, «заката». Этот период может быть весьма долгим и сопровождаться прогрессом технологий и социальных институтов, но с теоретической точки зрения это будет именно «закат».

Соответственно генезис новой системы *Y* будет, во-первых, опираться на определенные предпосылки, ростки своих элементов

в недрах старой системы *X*. Во-вторых, уже после революционного скачка, утверждения своего нового качества как господствующего (определяющего характер и направления развития технологий, тип личности, способ координации, специфику отношений собственности и т.п.) в рамках новой системы *Y* будут долгое время сохраняться отмирающие, уходящие в прошлое элементы системы *X*. Соответственно пространство-время утверждения нового качества и отмирания старого мы можем определить как *генезис*, возникновение, «рассвет» новой системы (рис. 1).

Существенно, что процессы «заката» (старой системы) и «рассвета» (новой системы) нелинейны, включают периоды и пространства социально-экономического прогресса и регресса. Рождение нового качества может ускоряться и тормозиться, более того, реальная история дает немало примеров попятного движения в социально-экономическом времени (например, не раз встречавшаяся во всемирной истории инволюция от рынка к натуральному хозяйству, регрессивные процессы усиления закрепощения крестьянства в России XVIII в. и т.п.).

Эти методологические замечания весьма важны, ибо они, в частности, дают ключ к пониманию причин *чрезвычайной длительности и мучительности генезиса капитализма*, продолжавшегося, как минимум, полтысячелетия (считая с момента победы буржуазной революции в Нидерландах) и сопровождавшегося бесконечной чередой гражданских, колониальных, мировых войн и

⁷ Одна из первых наших больших работ на эту тему – курс лекций «Переходная экономика», ставший, насколько нам известно, первым учебным пособием по теории постсоветских трансформаций в России (см.: Бузгалин, 1994)).

⁸ В «обычном» – астрономическом и географическом – времени-пространстве этот скачок может происходить достаточно долго, но с точки зрения экономической теории можно и должно выделять научно значимые абстракции таких революционных изменений. Их примеры хорошо известны: переход от натурального хозяйства к рынку, от рыночной экономики к плановой или обратно. В марксизме эти переходы гораздо строже и четче обозначаются как революционные смены способов производства.

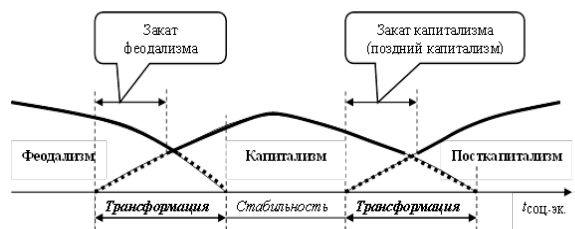

Рис. 1. Трансформации социально-экономических систем

революций, реверсивных процессов рефеодализации и т.п.

Они дают ключ и к пониманию того, что нынешний поздний капитализм есть хронотоп, знаменующий «закат» капиталистического способа производства, ибо уже столетие, как: 1) рынок не может обеспечивать пропорциональность и эффективность экономики, не используя механизмы сознательного, планового воздействия на производство, обмен, распределение и даже потребление; 2) частный капитал не может обеспечивать извлечение прибыли, не прибегая к социализации наиболее передовых и общественно значимых сфер экономики – образования, здравоохранения, фундаментальной науки, защиты экологического равновесия и др.; 3) господствующий класс – буржуазия – не может обеспечить социальную стабильность в обществе, не перераспределяя до 50% своего дохода на решение социальных и экономических задач, в том числе и используя посткапиталистические методы.

Сказанное выше – не просто марксистские постановки. Это прежде всего следствие применения названных методологических подходов к исследованию конкретного объекта – современной экономики развитых стран, где фактами являются все три указанных феномена. Вопрос состоит «лишь» в их интерпретации.

Однако мы увлеклись. Вернемся к критическому анализу основных положений системного подхода к экономике, разрабатываемого Клейнером.

2. К КРИТИКЕ МОДЕЛИ Г.Б. КЛЕЙНЕРА: ВНУТРЕННЯЯ СТРУКТУРА И ВНЕШНЯЯ СРЕДА СИСТЕМЫ «ЭКОНОМИКА»

Второе положение теории систем Клейнера, которое мы хотели бы прокомментировать, – это выделение четырех основных подсистем экономики (хозяйственная практика, социально-экономическая политика, управле-

ние и экономическая наука)⁹, а также четырех слагаемых, образующих общество, подсистемой которого и является экономика наряду с социумом, бизнесом и государством¹⁰.

⁹ «Анализ факторов, влияющих на реальную хозяйственную практику, в контексте системной экономической теории показывает, что ключевыми подсистемами экономики выступают: *экономическая теория* (в более широком контексте – экономическая наука как система знаний об экономике, economics); *экономическая политика* (совокупность принимаемых в сфере экономики стратегических решений, economic policy); *управление экономикой* (сфера передаточных организационно-экономических механизмов, доводящих принятые решения до реализации, management); *хозяйственная практика* (сфера ведения реального хозяйства, economy). Каждая подсистема имеет свои морфологические и функциональные особенности, развивается по своим закономерностям, располагает своими институтами регулирования и связана с другими подсистемами» (Клейнер, 2015).

¹⁰ «Общую системную структуру социально-экономической сферы каждой страны (мы используем для ее обозначения термин “общество”) можно представить в виде совокупности взаимодействующих подсистем <...>:

1) государства (как политической организации, обладающей властными полномочиями по регулированию общества на всей территории страны в кратко-, средне- и долгосрочной перспективе); типичный индивидуальный представитель – государственный служащий;

2) социума (как структурированного с помощью различного рода негосударственных политических и общественных организаций населения); типичный представитель – гражданин данной страны;

3) экономики (как объединения экономической науки, практики, политики и управления, сферы реализации процессов производства, потребления, распределения и обмена, включая их участников, предметы и результаты их деятельности); типичный представитель – специалист, занятый в народном хозяйстве;

4) бизнеса (как совокупности организационно-правовых форм экономической деятельности хозяйствующих субъектов, а также как вида деятельности физических и юридических лиц по созданию, реор-

Оставим в стороне дискуссию о том, насколько обоснованно в работах данного автора практически всегда выделяются четыре слагаемых чего-либо, равно как и вопрос о критерии именно такого структурирования общества и входящей в него как подсистемы экономики (т.е. о том, *какое системное качество, как и почему* позволяет выделить именно эти и исключительно эти подсистемы общества и экономики), и рассмотрим проблему содержательно.

При таком рассмотрении окажется, что в интерпретации Клейнера экономика как подсистема общества сводится к тому, что уже более 150 лет называется в марксизме «общественным производством» (в единстве собственно производства, обмена, распределения и потребления); и то, что в рассматриваемой нами модели нашлось место общественному производству – сфере, которая практически полностью игнорируется неоклассикой, – есть большое достоинство модели Клейнера. То, что в эту модель также включены организационно-правовые формы экономической жизни (структуры и правила игры, институты), выделяемые как марксизмом, так и институционализмом, тоже само по себе позитивно (хотя не совсем понятно, почему институциональная сфера сводится исключительно к бизнесу, который в свою очередь сводится исключительно к рыночным транзакциям: практика свидетельствует о наличии массы других институтов). В принципе, не вызывает сомнений выделение и двух подсистем политической сферы (государства и чего-то вроде гражданского общества, называемого социумом), хотя неясно, почему вместо одной сферы, «обрамляющей» экономику, – политики – выделены две подсистемы политического пласта общественной жизни, которые к тому же, с точки зрения политологов, не исчерпывают всего богатства этой сферы.

ганизации, ликвидации, приобретению, владению и передаче прав собственности на хозяйствующие субъекты в целях извлечения прибыли); типичный представитель – бизнесмен, инвестор» (Клейнер, 2015).

Далее совсем непонятно, почему в структуру общества не входят области духовной жизни и почему в круг «обрамляющих» экономику систем не включена материально-техническая сфера, взаимодействие с которой принципиально значимо для экономики¹¹.

Еще более странно, что сама экономика, сведенная к общественному производству, делится в соответствии с неким остающимся в тайне для читателей работ Клейнера критерием:

- на сферу собственно экономическую (хозяйственная практика или «реальная экономика», к которой, однако, не относятся ни рыночные транзакции, ни активность государства);
- существующие как особые, не входящие в пространство хозяйственной практики («реальной экономики») две сферы активности государства (здесь опять же в соответствии с не совсем ясным критерием выделяются отдельно социально-экономическая политика и управление, которое, исходя из контекста работ Клейнера, является не более чем одной из подсистем этой самой политики, а именно механизмом ее реализации¹²);
- экономическую науку.

¹¹ Авторы считают, что отсутствие в описании таких подсистем, как государство, социум, экономика и бизнес, тех или иных составляющих означает исключение их из состава подсистем. Так, отсутствие упоминания об институтах в определении экономики, социума и государства воспринимается авторами как отрицание роли и значимости институтов в этих подсистемах. Подобным же образом воспринимается ими и отсутствие специального рассмотрения духовной жизни и материально-технической сферы и др., а отсутствие упоминания о наемных работниках означает, по их мнению, отказ от рассмотрения отношений между трудом и капиталом. Это, однако, не так. В принятой Клейнером методологии система обычно задается не перечнем своих составляющих (элементов), а границами в том или ином пространстве. – *Примеч. гл. ред.*

¹² Управление в отличие от экономической политики, формируемой в рамках определенных политических процессов, носит сугубо адресный характер, обладает качествами проектной системы и

При этом первые три подсистемы, очевидно, относятся к тому, что мы бы назвали «общественным бытием», а последняя – к сфере «общественного сознания». Спору нет, экономическая наука оказывает влияние на реальные хозяйственные процессы, которые, в свою очередь, влияют на науку. Но если следовать этой логике, то, к примеру, физические процессы и наука физика также должны рассматриваться как подсистемы некоего целого – физики, и т.п., а про деление человеческого бытия на объективные материальные процессы и их идеальное отражение как наиболее фундаментальную классификацию следует вообще забыть...

Совсем не странно при этом, что из экономики исключены собственно производственные отношения, поскольку подавляющее большинство современных экономистов, работающих в методологии позитивизма и исследующих только практически данные формы (которые к тому же могут быть описаны преимущественно с помощью количественных показателей) общественно-экономической жизни, эти отношения вообще «не видят». Не включает их в свою структуру и Клейнер, который при этом не раз и не два писал в сотнях опубликованных им интереснейших работ именно об этих самых производственных отношениях – об объективных, от воли и сознания их агентов не зависящих и, более того, эти самые волю и сознание формирующих отношениях, т.е. отношениях, определяющих ценности и мотивы поведения наемных рабочих и бизнесменов, государственных чиновников и ученых.

Даже если ограничиться рассмотрением только господствующего ныне капиталистического способа производства, то мы должны будем выделить как минимум:

- отношения товарного производства и обмена, сведенные Клейнером к организационно-правовым формам обмена, исключен-

ные из экономики и отнесенные к бизнесу¹³, хотя они затрагивают всех членов нынешнего общества, превращая каждого из них (из нас!) в раба рыночного фетишизма, видящего в своих согражданах прежде всего конкурентов;

- отношения купли-продажи рабочей силы, вследствие которых работник в процессе своего труда оказывается подчинен капиталу (эти отношения из системы Клейнера вообще исчезли вместе со всеми вопросами взаимодействия труда и капитала, а также классом наемных рабочих, потерявшим где-то между «специалистами народного хозяйства» и «бизнесменами, максимизирующими прибыль»);

- отношения распределения и перераспределения дохода со всеми порождаемыми ими проблемами – неравенства, бедности и т.п., опять же «потерянные» в предлагаемой Клейнером классификации. (Возможно, они могут быть выделены в лежащих «по ту сторону» и «реальной экономики», и бизнеса сфере социально-экономической политики? Но только ли политическими являются эти объективные материальные проблемы всякого капиталистического общества?)

А ведь кроме экономики, основанной на рынке и капитале, существуют, как мы отметили в первой части, и другие отношения. Это опять же объективно присутствующие в экономике материальные общественные отношения дорыночной аллокации ресурсов (натуральное хозяйство) и пострыночного регулирования, далеко не сводимые к экономической политике государства и управлению; отношения ассоциированного присвоения общественных благ (типичные примеры – многие объекты инфраструктуры, здравоохранения, образования, культуры, природы), которые в рамках рассматриваемой нами классификации невозможно отнести ни к бизнесу, ни к «реальной экономике»...

¹³ В предлагаемой Клейнером концепции бизнес служит своеобразной оболочкой, формой (организационно-правовой формой) экономики, выступающей в свою очередь как содержание производственно-хозяйственной деятельности. – *Примеч. гл. ред.*

потому должно рассматриваться как самостоятельная подсистема общества. – *Примеч. гл. ред.*

Подчеркнем еще раз: Клейнер обо всех этих проблемах так или иначе писал (и не раз) в своих работах, всякий раз занимая прогрессивную позицию сторонника социально ориентированного экономического развития. Но вот в предлагаемой этим автором классификации данные аспекты оказались по меньшей мере недостаточно акцентированы, если не проигнорированы.

Но это, повторим, не случайно. Методология, предполагавшая исключительно позитивистский взгляд на мир, ориентированная не на поиск за формой содержания (которое может во многих случаях быть существенно иным, нежели то, что пытаются навязать форма)¹⁴, а на поиск внешнего сходства, вме-

¹⁴ Приведем простой пример. Представим себе базарную площадь, на которой танцуют «Барыню» косопалый медведь и ряженая баба. Доверчивый крестьянин удивляется тому, что медведь танцует лучше бабы, и радостно хлопает в ладоши. Чуть более внимательный посетитель базара, однако, заметит, что медведь-то на самом деле не медведь, а мужик, напяливший на себя шкуру; а вот баба, напротив, – наряженный в цветастое платье медведь, которого научили танцевать под дудку. Эмпирические феномены, факты базарной жизни доказывают только одно: есть формы, которые выглядят «обычными» (танцуют обычная баба и обычный медведь), есть содержание, подтверждаемое фактами (хорошо танцующий медведь и плохо танцующая баба), есть закономерности их соотношения (медведь танцует лучше бабы). Проникнуть в то, что здесь произошло превращение, переворачивание действительного содержания и «наведение» видимостного, порожденного господством превратных форм, можно только одним путем – путем диалектического исследования парадокса (медведь танцует лучше бабы). Это исследование предполагает рассмотрение данного парадокса не как факта, который подлежит фиксации (прагматизм) или в лучшем случае обобщению, выделяющему некоторые функциональные связи (позитивизм, математическое моделирование), а как открытой проблемы, которую предстоит «разложить по полочкам».

Начать этот процесс исследования следует с того, что признать факт не догмой, а формой, которая

сто содержательного, противоречивого единства (когда оказывается, к примеру, что дельфин имеет гораздо более глубокое единство с лошастью или слоном, нежели с акулой или тунцом), не углубляющаяся в тонкости диалектического исследования позитивистская методология и должна, как мы уже отметили, не обращать внимания на производственные отношения.

И тогда многие аргументы Клейнера окажутся справедливыми, ибо выделение объектных, средовых, процессных и проектных взаимодействий (см.: (Клейнер, 2013а)) позволит непротиворечиво объяснить, почему форма отношений товарного производства (бизнес) должна принадлежать к другой системе, нежели содержание этих отношений (процесс производства товаров)¹⁵; почему из

может переворачивать (а может и адекватно отображать – исследователю предстоит еще в этом разобраться) некоторое содержание. Далее стоит исследовать, какое именно содержание скрыто за данной формой. Для этого необходимо понять, что кажущееся содержание (баба танцует плохо, медведь – хорошо) может быть ложно. Ложно оно или нет, можно понять только при условии использования системного историко-логического подхода, который покажет границы той системы, в рамках которой единственно и существуют данные превратные формы и «наведенное» содержание. Так, вне системы «базар» артист, снявший медвежью шкуру, конечно же, умеет плясать лучше медведя, а избавившийся от тряпок зверь мечтает побегать в лесу, а не мучиться, изображая танец (подробнее см.: (Бузгалин, Колганов, 2015)).

¹⁵ Аргументация Клейнера в пользу утверждения о том, что представление макроуровня в виде трех подсистем – государство, общество, бизнес (как вариант – государство, общество, экономика) является неполным, сводится к следующему: «В свете приведенной <...> классификации и с учетом полученных ранее результатов – относительно устойчивого распределения ролевых функций систем каждого типа в обеспечении гомеостаза социально-экономического пространства-времени <...> – следует сделать вывод, что представление макроуровня в виде трех макросистем неполное. Поскольку экономика и бизнес относятся к

классификации пропал вместе со всеми своими проблемами класс наемных рабочих, будучи растворен в некой внеисторической группе «специалистов народного хозяйства», к которой можно отнести и советского инженера, и пролетария на капиталистическом предприятии, и представителя «среднего класса»; почему отношения сознательного регулирования, лежащие по своему содержанию «по ту сторону» рыночно-капиталистической социально-экономической системы (что признает даже неоклассика, называющая «провалами рынка» экономические явления, ведущие к необходимости вмешательства государства), отнесены к двум разным системам, лежащим вне «реальной экономики»...

И самое главное – такая методология позволяет Клейнеру даже не поставить следующий вопрос: можно ли строить системную модель экономики и предлагать претендующую на универсальность ее структуру, описывая, по сути дела, только один из подвидов всего богатства существовавших и существующих в социальном времени (истории) и пространстве социально-экономических систем,

системам разного типа, они реализуют принципиально разные функции в социально-экономическом пространстве. Функционирование экономики увеличивает гомогенность пространства прежде всего за счет преодоления разрывов между спросом и предложением. Наоборот, предпринимательская активность, связанная главным образом с концентрацией ресурсов в руках предпринимателей – как инноваторов, так и дистрибуторов и имитаторов инноваций, увеличивает гетерогенность пространства-времени. Поэтому четырехэлементная схема “государство – общество – экономика – бизнес” качественно более адекватна, чем традиционная трехэлементная конструкция “государство – общество – экономика”. <...> Отметим, что данная концепция не противопоставляет экономику и бизнес, хотя и разделяет их. Одно из различий состоит в том, что, неформально говоря, вектор целей бизнеса направлен внутрь (“обогащение”), а целей экономики – вовне, поскольку они связаны с поддержанием жизнедеятельности других макроподсистем (“обеспечение”))» (Клейнер, 2013а).

а именно национальную систему, в которой господствуют промышленное производство и система отношений, характерная для капитализма середины XX в.?

Ответ на этот кажущийся риторическим вопрос будет неожиданным: да, можно.

Можно, ибо эта модель одного из ведущих ученых-экономистов России, кажущаяся политэконому нестрогой и ограниченной по своему потенциалу, на самом деле хорошо «работает» при решении некоторых задач, связанных с исследованием устройства национальной (прежде всего российской) экономики и поиском путей оптимизации ее функционирования¹⁶. Более того, она оказывается полезной и для решения ряда задач на уровне производственного звена национальной экономической системы.

Более того, Клейнер применяет эту модель и для исследования перехода от одного кризисного состояния к другому. Предлагая несколько отличную от известной марксистской схемы делового цикла (кризис – депрессия – оживление – подъем – кризис) модель (кризис – посткризис – межкризис – предкризис – кризис), этот ученый показывает, как на каждой из этих стадий меняется роль каждой из подсистем системы «экономика» и к чему это приводит, при этом выделяя ряд действительно важных взаимосвязей.

Однако целый ряд задач предложенная Клейнером модель не решает, и потому требуется, как минимум, еще и иная модель, описывающая систему «экономика».

В качестве промежуточных выводов выделим те задачи, которые должна, на наш взгляд, решать эта модель, суммировав сказанное в первом подразделе и те «уроки», которые мы можем извлечь из предложенного выше критического анализа модели Клейнера.

Вывод 2.1. Искомая модель должна быть адекватной для описания наиболее значимых взаимодействий с «внешней средой»,

¹⁶ Этой проблеме посвящена большая, состоящая из двух частей статья Клейнера (см. (Клейнер, 2015, 2016)).

которая включает не только две области политической жизни, но и систему социально-классовых отношений, материально-техническую базу экономики и др., причем в основу выделения структуры внешней среды («общества» в терминологии Клейнера) желательно было бы положить хорошо разработанный, теоретически и методологически аргументированный подход, который не может не быть социофилософским, ибо именно эта область теоретического знания «отвечает» за решение вопросов о структуре общества.

Вывод 2.2. Модель экономики как системы должна позволять решать задачу выделения такого системного качества каждой из экономических систем, которое «задает» ее хронотоп, а значит, и критерии для определения ее границ, а также этапов ее развития (генезис, развитие на собственной основе, «закат»), не ограничиваясь задачей описания взаимодействия ее элементов в рамках циклической (от кризиса к кризису) эволюции.

Вывод 2.3. Системный взгляд на экономику должен позволять решать задачу выделения качественно различных экономических систем и задавать универсальный критерий внутреннего структурирования каждой из них, а не быть рыночноцентричной моделью, описывающей в качестве универсально-всеобщего только один подвид рыночной экономики, а именно рыночную экономику с ограниченным государственным регулированием.

Вывод 2.4. Мы должны разработать и обосновать модель универсальной структуризации как экономики вообще, так и любой из особенных экономических подсистем, позволяющую охарактеризовать параметры (координаты в социально-экономическом пространстве-времени) любой из них подобно тому, как периодическая система элементов Д.И. Менделеева позволяет определить природу и место в этой системе любого из химических элементов.

Последний вывод для нас наиболее важен, и именно эта проблема – поиск принципов создания «периодической системы элементов» для метасистемы «экономика» –

станет предметом нашего дальнейшего рассмотрения. Под экономикой в данном случае понимается система производственных отношений, потому что именно этот срез общественных отношений оформляет движение материальной основы производства, и потому является объективным. Для нас экономические системы – не наборы «кирпичиков», классифицируемых исследователями в соответствии с разными основаниями. Мы исходим из наличия реальных систем производственных отношений, которые выступают как метасистемы, задающие системное качество всех своих элементов, всех подсистем.

Клейнер тоже декларирует взгляд на экономическую систему не просто как на набор элементов, объединенных определенной структурой, а как на целостность, которую наблюдатель фиксирует извне, отмечая некую границу, внутри которой происходит жизненный процесс системы. Можно было бы приветствовать такой взгляд, если бы дальнейшее рассмотрение системного подхода не приводило его к позиции, где на первый план выходит подбор определенных классифицирующих признаков, которые и кладутся в основу членения системы на элементы. Подчас создается впечатление, что именно классифицирующий взгляд наблюдателя выступает как демиург, конституирующий системы и их элементы. Мы же исходим из понимания системы как некой объективно складывающейся целостности, как реальности, охватывающей все элементы и все подсистемы (и лишь когда поняты конституирующие основы этой реальности, возможно применение классификаций, выступающих не исходным пунктом, а результатом исследования).

Чтобы охарактеризовать такую систему как метасистему, мы обращаемся к глобальному и национальному уровням рассмотрения: именно такой подход отражает экономическую реальность, в которой целостные глобальные и национальные системы производственных отношений выступают как определяющие (метасистемы) по отношению к любым подсистемам, которые можно выделить

внутри них. Соответственно структуризация именно этих систем (метасистем) будет задавать и структуризацию их подсистем. Рассмотрение на глобальном и национальном уровнях задается тем фактом, что только на этих уровнях экономические системы способны к самостоятельному воспроизводству и функционированию, а зависимость национальных экономических систем от внешних связей не является определяющей для характеристики специфики их системного качества.

Как легко догадается читатель, у нас уже давно сложилась гипотеза, позволяющая построить такую «периодическую систему». Приведем ниже основные положения, опубликованные впервые почти 20 лет назад (см. (Бузгалин, Колганов, 1997, 2001)).

3. К КРИТИКЕ МОДЕЛИ Г.Б. КЛЕЙНЕРА: АВТОРСКАЯ ГИПОТЕЗА СИСТЕМНОГО ПОДХОДА К ЭКОНОМИКЕ

Прежде чем начать поиск решения проблем содержания, структуры и типов экономических систем, подчеркнем: анонсированную выше задачу предложить модель «периодической системы» не следует понимать буквально; мы хотим предложить не более чем *гипотезу типологизации экономических систем и соответственно их элементов, показав определенные закономерности их эволюции*. В результате, как будет показано ниже, просматривается возможность построения (в качестве научной абстракции) определенной системы элементов экономической жизни и их групп (систем), т.е. построения своего рода «системы систем», напоминающей (но не более того!) некоторыми своими свойствами периодическую систему химических элементов Д.И. Менделеева.

Предлагаемый нами вариант «периодической системы» позволит:

- представить экономическую жизнь как n -мерное социально-экономическое про-

странство-время, а экономические системы – как определенные векторы в этом пространстве-времени, имеющие не более чем n координат (тем самым мы создаем предпосылки для относительно точного определения координат, «адреса» любой системы в социально-экономическом пространстве-времени);

- обосновать достаточно универсальную типологизацию «элементов» экономической жизни. Под последними мы будем понимать определенное позиционирование (фиксацию) того или иного параметра (стороны, черты) экономической жизни в социально-экономическом пространстве-времени;

- выделить закономерности «складывания» элементов экономической жизни в группы (системы) и эволюции экономических систем. В последнем случае мы постараемся показать некоторую *периодичность* (точнее, спиралевидность) эволюции экономической жизни, когда вместе с ростом производительности общественного труда («атомного веса») определенные типы «элементов» (параметров социально-экономической жизни, таких, например, как отношения координации, присвоения и т.п.) будут менять свою определенность, образуя новые группы элементов (новые экономические системы);

- указать на *прогностические возможности* предлагаемой типологизации, позволяющие с определенной долей вероятности (в социальных процессах она, естественно, всегда ниже, чем в природных) предсказывать определенные свойства новых элементов (групп элементов), уже существующих или складывающихся (или даже существовавших в прошлом, но мало изученных) экономических систем.

Если нам удастся ниже решить эти задачи, то мы получим, повторим, на выходе исследования результат, в котором *будут просматриваться некоторые аналогии (но не более чем аналогии!) с системой Менделеева*. При этом, естественно, характерные для социальных процессов гораздо большая вариативность и многообразие путей эволюции сделают наш социально-экономический ана-

лог таблицы Менделеева, с одной стороны, гораздо менее строгим и определенным, а с другой – гораздо более сложным и трудноприменимым.

Поиск определенности экономической системы мы начнем несколько необычным образом: обратившись к *практике радикальных изменений экономической жизни*, ибо они подобно разлому на крутом берегу реки, обнажающему структуру пластов земли, покажут структуру «пластов» той экономической системы, которая была разрушена. Такой «слом» с достаточной очевидностью продемонстрирует, *что* является экономической системой, *какова ее структура* и как наш взгляд на эту структуру сопрягается со взглядами основных школ экономической теории.

Достаточно очевидно, что один из наиболее радикальных сдвигов в экономической жизни наблюдается нами в пост-«социалистическом»¹⁷ пространстве. Следовательно, приняв в первом приближении (а оно соответствует господствующим ныне представлениям – посмотрите хотя бы на любой учебник по компаративистике) тезис о том, что происходящие в пост-«социалистическом» пространстве изменения есть переход от одного типа экономической системы¹⁸ к другой, мы можем сделать следующий теоретический вывод: *структура того, что умирает и рождается, и укажет с наибольшей очевидностью на структуру экономической системы.*

¹⁷ Авторы заключили здесь слово «социалистическое» в кавычки, поскольку в строгом смысле экономические системы стран, расположенных в искомом пространстве, еще не достигли стадии социализма к тому моменту, когда это пространство стало называться пост-«социалистическим». Соответственно и переход этих стран к другой экономической системе, о котором идет речь далее, – это переход не от «социализма» как такового, а от другого типа системы (в лучшем случае – с элементами социализма), что принципиально для нашей модели.

¹⁸ С учетом социопространственных вариаций следовало бы сказать – систем.

Подчеркнем: в условиях стабильно функционирующей зрелой экономики, все звенья которой соединены сложной системой прямых и обратных связей, выделение основных элементов структуры крайне затруднено. В период же ломки эти параметры обнажаются предельно четко.

Так что же именно подлежало «демонстражу» в старой системе?

Возьмем в качестве основы логику радикальных либерал-реформаторов¹⁹. Они выдвинули (и частично реализовали) лозунги либерализации, приватизации и стабилизации, т.е. перехода от плана к рынку, от государственной собственности к частной, от «экономики дефицита» к спросоограниченной саморегулирующейся системе.

На методологическом языке это означало изменение способа координации (формы связи производителей и потребителей), отношений собственности (способа присвоения/отчуждения в отношениях работников и собственников), типа воспроизводства. Если принять во внимание тот факт, что в результате этого произошли радикальные изменения в технико-производственной структуре, с одной стороны, и институционально-правовой²⁰ системе, с другой, то...

То мы получаем достаточно явственную, радикальным сломом обнаженную *структуру экономической системы*. В основании – определенная технико-производственная структура; в центре – система производственных отношений, или собственно экономическая

¹⁹ Едва ли не общеизвестно, что праволиберальные авторы реформ (в России – прежде всего Егор Гайдар; из западных советников особенно известны Джеффри Сакс, Эндрю Уорнер, Андерс Аслунд, Джонатан Хэй и др.) настаивали на необходимости проведения именно либерализации, приватизации и стабилизации (см.: (Сакс, 1994; Aslund, 1995)). Андерс Аслунд до сих пор призывает к либерализации экономик России и Восточной Европы, несмотря на очевидное банкротство применявшихся рецептов.

²⁰ Мы пока оставим в стороне анализ институтов.

система, включающая отношения координации, собственности (способ присвоения/отчуждения), распределения и перераспределения дохода и воспроизводства; в качестве оформления («надстройки») – институционально-правовая и политическая системы.

Подчеркнем, этот способ описания структуры экономической системы построен авторами как результат анализа *практики* и теории *либеральных* реформ, проводимых по рецептам Сакса и К^о, т.е. теоретиков и практиков, крайне далеких от марксизма. Но что мы получили?

«Открыв велосипед», мы получили упрощенную модель экономической системы как взаимообусловленной связи определенного технико-производственного основания (производительных сил), социально-экономических связей (производственных отношений) и «надстройки». Но получили мы этот вывод не в результате провозглашения «вечной правоты марксизма», а на основе (повторим вновь) анализа практики и теории либеральных реформ, которые подсказали нам основные элементы *всякой* экономической системы. Именно ради такого вывода мы и стали «городить огород» с анализом трансформаций.

Отчасти подобные же выводы мы можем получить на основе сравнительного анализа различных теоретических школ, так или иначе описывающих экономические системы. Применив и здесь диалектический историко-логический метод, мы можем выделить:

- в рамках классической политической экономии – проблемы природы стоимости как основы рынка (субстанции определенного способа координации), капитала, зарплаты и прибыли (характерного для буржуазной экономики способа взаимосвязи работника и собственника ресурсов, отношений по поводу производства и распределения дохода);

- в марксизме – «достраивание» этой модели до развернутой структуры производительных сил и производственных отношений;

- в рамках мейнстрима – иной подход к определению все тех же параметров: способа координации (большая часть микро- и

макроэкономического описания рынка и его «провалов»), взаимодействия работника и собственника, способа получения дохода (теории факторов производства, предельной производительности); а главное – акцент на позитивном описании связей и взаимодействий в механизме функционирования одного типа экономических систем, а именно рыночных (при господстве несовершенной конкуренции), регулируемых, социально ограниченных экономик;

- институционализм и новый институционализм рассматривают опять же способы координации («рыночная» и «плановая» системы у Гэлбрейта (Гэлбрейт, 1969, 1976), транзакции у Коуза (Coase, 1937; Коуз, 1993) и т.п.), отношения собственности и власти (теория прав собственности – типичный пример), социальную структуру и т.п., но под определенным (естественно, институциональным) углом зрения;

- теоретики индустриального, постиндустриального, информационного и тому подобного общества в качестве основы для типологизации и структуризации систем рассматривают технологические уклады.

Не продолжая далее перечень, можно предположить, что своего рода равнодействующей этих теорий, как и в отмеченном выше примере с трансформациями, является выделение технологических укладов (и, шире, производительных сил) в качестве основы экономической системы, способов координации, отношений собственности (присвоения, отчуждения) и распределения дохода механизмов воспроизводства и функционирования – в качестве основных блоков ее структуры институтов – в качестве своеобразных «рамочек», задающих формы экономической жизни.

Все это опять-таки похоже на известную модель способа производства, что закономерно провоцирует вопрос: так что же, старая идея единства производительных сил и производственных отношений и есть вся тайна «периодической системы элементов» экономики?

Отнюдь нет. *Мы лишь начинаем наше исследование, задача которого – представить*

экономику как n -мерное пространство-время²¹, а экономическую систему – как вектор в этом пространстве-времени, имеющий n координат.

Такой подход, на наш взгляд, позволит: во-первых, проводить сравнительное исследование экономических систем; во-вторых, выводить определенные закономерности эволюции глобальной экономики в этом пространстве-времени; в-третьих, формулировать на этой основе предпосылки для диалектического, основанного на восхождении от абстрактного к конкретному построения систем категорий и законов – теоретических моделей экономических систем²².

Последнюю задачу мы оставим в стороне и постараемся определить систему координат n -мерного социально-экономического пространства-времени и тем самым всякой «живущей» в этих координатах экономической системы – вектора. Результатом этих размышлений станет и определение того, *что* есть такая система и каковы ее параметры (структура). Совокупность качественных и количественных параметров по каждой из этих «шкал» (координат n -мерного пространства-времени) и будет определять конкретную систему.

Мы уже сослались на то, что элементы (блоки) системы производственных отношений мы выделили, опираясь на эмпирический анализ процессов трансформации экономических систем (слом старой системы и формирование новой). Но наука не может ограничиваться эмпирическими наблюдениями – она должна дать *объяснение* наблюдаемому и *объяснить закономерности жизнедеятельности* наблюдаемого. Так перед нами встают два теоретических вопроса. Первый: каждая ли реальная система производственных отношений

складывается из этих блоков? И второй: чем определяется последовательность (субординация) этих блоков в системе?

Мы пока не можем представить читателю исчерпывающий ответ на первый вопрос: требуемая для этого значительная и масштабная исследовательская работа в области социальной философии и истории социально-экономического развития еще продолжается.

Что касается второго вопроса, то производственные отношения складываются по поводу процесса производства и воспроизводства как материальных условий жизни общества, так и общественных отношений. Реальная субординация процессов такого воспроизводства и задает субординацию блоков производственных отношений.

Любой процесс производства требует определенных ресурсов (производительных сил), и характеристика этих производительных сил выступает исходным пунктом, задающим специфику производственных отношений. Далее, для начала процесса производства необходимо наличие производственных ресурсов (средств производства и работников), и способ размещения (аллокации) этих ресурсов по видам и отраслям деятельности, выступающий одновременно и как первичный способ координации хозяйственной деятельности людей, выступает первым блоком системы их производственных отношений.

Пока ресурсы (средства производства и работники) не размещены определенным образом, они не могут вступить во взаимодействие, соединиться в процессе непосредственного производства. Тот способ, каким работник соединяется со средствами производства (что далее можно представить как отношение между собственником средств производства и непосредственным производителем), составляет следующий блок системы производственных отношений.

Отношения между собственником средств производства и непосредственным производителем определяют способ распределения произведенного продукта. Этот блок системы производственных отношений задает

²¹ Понятие социально-экономического пространства-времени раскрыто нами в упомянутой работе «Введение в компаративистику» (М., 1997) (см. также дополненное издание: (Бузгалин, Колганов, 2005)).

²² Эта гипотеза была впервые представлена авторами в форме докладов на ряде конференций в МГУ (1995–1996) и позже – в учебном пособии «Введение в компаративистику» (М., 1997).

исходные условия для возобновления как процесса производства продуктов труда, так и тех отношений, при которых они производятся. Соответственно отношения, складывающиеся в ходе воспроизводства, образуют следующий блок системы производственных отношений. Параметры процесса воспроизводства формируют отношения, складывающиеся в процессе обращения произведенного продукта, и т.д. В конечном итоге место человека в системе данных производственных отношений определяет и его место в социально-классовой структуре общества.

С целью прояснения нашей гипотезы построим предельно простую модель²³ структурирования качественно различных социально-экономических систем. При этом мы ниже опускаем деление на технико-экономические и социально-экономические метасистемы, используем более простую и привычную, нежели марксистская, хотя и менее точную, на наш взгляд, экономическую терминологию и сводим число параметров к 5 [$n = 5$], абстрагируясь от институтов, права и т.д. (см. рис. 2):

- а) технологические уклады (технологический уровень);
- б) способ координации;
- в) собственность (присвоение/отчуждение собственности);

- г) способ распределения дохода и другие социальные параметры;
- д) воспроизводство.

Значения параметра «технологические уклады» (а) упрощенно можно свести к шести укладам:

- 1) доиндустриальный;
- 2) переходный к индустриальному (раннеиндустриальный);
- 3) индустриальный;
- 4) позднеиндустриальный;
- 5) переходный к постиндустриальному;
- 6) постиндустриальный.

Значения параметра «способ координации» (б) (мы вновь упрощаем) соответствуют следующей шкале:

- 1) натуральное хозяйство;
- 2) генезис национальных рынков;
- 3) всеобщий рынок (рыночное хозяйство с господством свободной конкуренции);
- 4) регулируемый рынок с несовершенной конкуренцией;

5) переходные от рынка к сознательному регулированию отношения в смешанной экономике (исторический аналог – современная скандинавская модель);

- 6) генезис и развитие пострыночных механизмов координации.

Параметр «присвоение/отчуждение (собственность)» (в) будет характеризоваться по следующей качественной «шкале»:

- 1) личная зависимость (внеэкономическое отчуждение);

Социально-экономические системы	Элементы				
	Производственно-техническая основа (технологические уклады и т.п.)	Способ координации	Отношения присвоения/отчуждения (собственности)	Способ распределения дохода и другие социальные параметры	Тип воспроизводства
1					
2					
3					
4					
5					

Рис. 2. Модель структурирования качественно социально-экономических систем

2) генезис формального подчинения труда капиталу (вещной зависимости);

3) реальное подчинение труда капиталу (господство отношения «наемный труд – капитал» на базе частнокапиталистического присвоения);

4) элементы социализации капитала при господстве финансового капитала;

5) переходные отношения частичной социализации в смешанной экономике (исторический аналог – современная скандинавская модель);

6) посткапиталистические отношения присвоения.

Не рассматривая далее содержательно эволюцию параметров «распределение дохода» (г) и «воспроизводство» (д), мы можем показать, как в рамках такой предельно упрощающей реальность модели будет выглядеть та или иная система.

Так, классическая капиталистическая экономическая система может быть представлена как вектор, который по параметрам (а)–(д) имеет значения (3, 3, 3, 3, 3). Еще раз подчеркнем: выше для прояснения модели был использован исключительно упрощенный пример, далекий от конкретных реалий.

Предложенная модель позволяет перейти к более сложному варианту нашей схемы, приняв во внимание не только стабильные, но и трансформационные состояния экономических систем (как мы писали, они рождаются и умирают, их динамика включает хронотопы «рассвета» и «заката»). Кроме того, данная модель позволяет выделять и мутации экономических систем, но об этом мы не будем подробно писать в данном тексте, ибо уже раскрыли эти вопросы в работах, опубликованных ранее.

Рассмотрим подробнее основные свойства предлагаемой модели.

Во-первых, мы исходим из того, что все основные параметры экономических систем («измерения» социально-экономического пространства-времени) развиваются в соответствии с определенными законами, обеспечивая нелинейный прогресс общества и экономики как его подсистемы, а во-вторых,

сильно упрощаем реальную диалектику развития, постольку мы выделили ниже несколько фаз развития основных блоков экономических систем (уровней значений параметров; условно – от [1] до [6]).

Главный вопрос, который здесь возникает, – это вопрос о наличии прогресса в развитии социально-экономических систем и определении его критериев. Аргументы сторон в этом споре общеизвестны, что позволяет нам ограничиться отсылкой к одному из наиболее известных решений этой проблемы и сказать: прогресс есть, и его критерий – *развитие личностных качеств человека, мера снятия его отчуждения от общества, природы и самого себя* (мера разотчуждения²⁴).

Для нашей модели это, в частности, означает возможность оценивать при помощи этого критерия меру прогрессивности технологий (меру развития содержательности труда и рост его производительности с учетом экологических и социальных ограничений); отношений координации (мера обеспечения сбалансированности экономики и полнота удовлетворения общественно значимых потребностей²⁵); собственности (мера снятия отчуждения работника от труда и его результатов, в частности то, в

²⁴ Категория «разотчуждение» введена в научный оборот Л.А. Булавкой-Бузгалиной. Вот как она ее определяет: «Разотчуждение – это вид деятельности, связанный со снятием той или иной формы отчуждения, который фиксируется не просто в виде вещи (готового результата), а в таком феномене, который, с одной стороны, является той же самой вещью (готовым результатом), а с другой – несет в себе развернутую логику ее сотворения... понятие “разотчуждение” предполагает не только его результат – новое общественное отношение, но взятый в единстве с самим процессом его сотворения» (Булавка, 2013, с. 125). Подробнее о разотчуждении как критерии прогресса см.: (Бузгалин, Колганов, 2015; Булавка-Бузгалина, 2015).

²⁵ Для рыночной экономики критерием общественной значимости потребностей выступает платежеспособный спрос, для пострыночной – удовлетворение потребности в творческом труде и свободном развитии личности.

какой мере те или иные отношения собственности содействуют «включению» творческого потенциала членов общества в решение задач социально-экономического развития, инновационного потенциала человека как работника, предпринимателя и т.п.).

Данная модель, далее, позволяет показать, что *между основными параметрами развития экономических систем есть достаточно устойчивая взаимосвязь*. Так, для «классической» аграрной, основанной на ручном труде системы наиболее адекватны натуральное хозяйство и внеэкономическое принуждение (на схеме она по всем измерениям будет иметь значение [1]); для индустриальной экономики – «классический» рынок свободной конкуренции и капитал (на схеме она по всем измерениям будет иметь значение [3]); а для позднеиндустриальной с элементами постиндустриализма нужны механизмы государственного регулирования и социализации экономики (на схеме она по всем измерениям будет иметь значения [4]–[5]). Соответственно можно выделить «классические» типы экономических систем, где достигается «идеально» возможное на данной стадии развития взаимное соответствие элементов, обеспечивающее максимальные возможности для их развития (гуманитарного, технологического, экономического и т.п.).

В данном тексте мы не раскрываем и не обосновываем тезис о наличии таких оптимально адекватных друг другу параметров «классических» состояний экономических систем. Однако на практике известно, что именно те экономические системы, в которых их основные элементы (блоки элементов), технико-производственные основы и институционально-политические формы были взаимoadекватны, как правило, оказывались устойчивыми центрами в рамках каждого из крупных этапов развития человечества (азиатские деспотии, метрополии классического капитализма и т.п.).

Подчеркнем, взаимосвязь элементов в предлагаемой нами модели просматривается как «по горизонтали» (в рамках каждой исторически определенной социально-экономиче-

ской системы должны быть взаимoadекватны способ координации, отношения присвоения, распределения и т.п.), так и «по вертикали» (существует историко-логическая субординация способов координации – натуральное хозяйство, рынок, пострыночные механизмы; типов присвоения/отчуждения – внеэкономический, основанный на капитале, посткапиталистический и т.п.).

Таким образом, мы в качестве гипотезы можем выделить «*периодический закон*» развития экономических систем:

- *социально-экономическое развитие является совокупностью периодически сменяющих друг друга экономических систем;*
- *оно проходит периодически повторяющиеся (по спирали, с обретением нового качества) этапы (генезиса, классического состояния, «заката», включая трансформационные состояния, мутации и т.п.);*
- *каждая система включает определенные структурные (опять же периодически повторяющиеся с обретением нового качества на каждом витке спирали) элементы (параметры), а именно способ координации, отношения собственности и т.п.;*
- *эти структурные элементы (параметры) взаимосвязаны между собой 1) внутри каждой из систем (например, натуральное хозяйство и личная зависимость, опирающиеся на доиндустриальный технологический базис) и 2) как этапы развития определенного параметра (например, натуральное хозяйство, рынок и т.п. как этапы историко-логического развития такого параметра, как способ координации).*

Предлагаемая модель «периодической системы» позволяет выделить, как мы отметили выше (пообещав в дальнейшем раскрыть этот тезис), не только относительно «чистые», «классические» типы систем с взаимoadекватностью всех основных элементов (они будут иметь одинаковые по всем параметрам, «измерениям» уровни развития и соответственно в нашей условной схеме одинаковые значения; например, как мы уже писали, для классического индустриального капитализма это будет совокупность «троек»), но и отклонения

от этого «чистого» вида. Такие отклонения мы будем называть «мутациями» *экономического развития*; и соответственно мы сможем выделить «мутировавшие» *экономические системы*. Скажем, отклонение одного-двух из параметров от господствующих на один и более пунктов на единицу или большее число (доиндустриальный базис рынка и капитала, например), скорее всего, приведет к вырождению, мутации экономических систем.

Соответственно для систем, продвигавшихся далее достигнутого «стандарта» базовых параметров (например, Древняя Греция или Италия времен Ренессанса), можно говорить об «опережающих» (прогрессивных) мутациях «классических» состояний. Известны и системы с «запаздывающими» мутациями, к которым мы бы отнесли, в частности, Российскую империю XIX – начала XX в. с характерным для ее экономики военно-феодальным империализмом.

P.S. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АВТОРСКОЙ МОДЕЛИ

Завершая статью, мы должны задать себе и самый сложный вопрос: *какие теоретические и практические задачи помогает решить данная модель?*

Ответ на него требует особого исследования, и потому мы ограничимся лишь указанием на потенциальные возможности использования предложенной методологической и теоретической гипотезы.

Во-первых, она позволяет определить точные «координаты» любой экономической системы (индивида, предприятия, национальной экономической системы, мирового хозяйства) в социально-экономическом пространстве-времени (найти *уникальный хроотоп* любого объекта).

Во-вторых, вследствие этого возможно провести *сравнительное исследование* данно-

го объекта, рассматриваемого как экономическая система, и других однотипных систем.

В-третьих, на этой основе несложно оценить *меру прогрессивности* этого объекта и сделать вывод о том, *какой вектор дальнейшего развития будет для него стратегически оптимальным*, если на время абстрагироваться от конкретных историко-пространственных условий его бытия.

Наконец, *в-четвертых*, предложенная модель позволяет определить *степень взаимoaдекватности параметров* данного объекта, а также наличие, характер (прогрессивные, регрессивные) и степень развитости мутаций, а следовательно, направления продвижения к наиболее сбалансированному состоянию.

Поясним эти абстрактные умозаключения. Рассмотрим, например, современную российскую корпорацию, включенную в сферу военного авиапрома. Это будет преимущественно высокотехнологичный индустриальный производственный комплекс, функционирующий как товаропроизводитель, но ориентированный на решение задач в рамках специфического для России типа регулирования – «ручного управления»²⁶, находящийся формально в государственной, а реально – в частно-бюрократической собственности (в вассальной зависимости от чиновников ряда ведомств), и т.д. Мы можем оценить упомянутый объект как мутацию экономического актора, типичного для позднего капитализма (высокотехнологичная корпорация), но включенного в отношения военно-бюрократического капитализма, и сделать вывод о том, что возможности его прогресса весьма и весьма ограничены взаимной неадекватностью его основных параметров.

²⁶ В качестве примеров «ручного управления» можно назвать воздействие на цены «волевым» решением первых лиц государства, «адресную поддержку» определенных экономических субъектов (банков, предприятий) и т.п. Подробнее об особенностях «ручного управления» в России и его воздействии на экономику см., например: (Шлычков, 2015).

Если же мы возьмем в качестве объекта исследования национальную экономическую систему России 2010-х гг., то выводы окажутся еще более определенными. Результаты такого исследования, проведенного на основе предложенной выше методологии, представлены в серии наших ранее опубликованных статей²⁷. Коротко говоря, они состоят в том, что современная экономика нашей страны представляет собой мутацию отношений позднего капитализма полупериферийного типа. Основная причина этой мутации – господство в России отношений олигархо-бюрократического присвоения результатов разрушения советской экономики, проведенного по сценарию, предусматривавшему формирование в конечном итоге именно такой системы экономико-политической власти.

Анализируя взаимонеадекватности основных блоков российской экономики и сравнивая эту систему с другими примерами трансформаций так называемых плановых экономик, а также опираясь на выделенные выше критерии прогрессивности экономических систем, т.е. суммируя методологические подходы, коротко изложенные выше, мы можем предложить аргументированную модель обновления всех основных параметров российской экономической системы.

Данные рекомендации будут принципиально отличаться от большинства известных ныне, ибо они будут касаться не тех или иных сторон экономической политики и институтов, а всей системы экономических отношений. Без хотя бы частичного реформирования (а в идеале – качественного преобразования) последней, исключительно мерами частичных коррекций экономической политики и институциональной системы (т.е. на основе *«методологии тришкиного кафтана»*) проблемы затяжной депрессии отечественной экономики не решить²⁸.

²⁷ См. об этом в уже упоминавшейся выше серии статей (Бузгалин, Колганов, 2014а, 2014б, 2014в).

²⁸ Авторы вот уже более 20 лет предлагают, регулярно обновляя, модель такого, как минимум, реформирования, обозначив ее еще в начале 1990-х гг.

* * *

Возвращаясь к вопросам методологии и теории системного исследования экономики, мы хотели бы обратить внимание на то, что как модель систематизации, предлагаемая Г.Б. Клейнером, так и модель, предлагаемая авторами данной статьи, приводят авторов обоих текстов к сходным выводам в области экономической политики. Эти выводы сегодня делают и те, кто далек от системного взгляда на экономику. Но различие между последними, Клейнером и нами все же есть. У экономполитиков и экономтеоретиков, идущих исключительно от практики, эти выводы носят, как правило, фрагментарный характер и ставят в центр внимания ту сферу, в которую они включены: финансы, промышленность, «социалку» или еще что-то более узкое.

У Г.Б. Клейнера выводы системны, но они затрагивают почти исключительно формы экономических процессов: институты управления на разных уровнях хозяйствования, экономическую политику, некоторые аспекты экономической теории и т.п. Противоречия в содержании социально-экономических процессов и в науках, их исследующих, автор рассматриваемых нами статей затрагивает лишь отчасти.

Мы же обращаем внимание именно и прежде всего на необходимость, как минимум, реформирования, как максимум – качественного изменения содержания всех социально-экономических процессов – системы производственных отношений. Соответственно мы считаем целесообразными и существенные подвижки в расстановке приоритетов в сфере экономической теории с целью большего вни-

как стратегию опережающего развития, ориентированную на создание «экономики для человека» (см.: (Бузгалин, Колганов, 1996, 2011, 2014г)). Стратегия опережающего развития обсуждалась на ряде международных конференций, материалы которых опубликованы в сборниках трудов (см.: (Стратегия опережающего развития..., 1999; Человеческий потенциал..., 2006; Стратегия опережающего развития..., 2011)).

мания к школам, исследующим именно производственные отношения.

О последнем несколько слов особо: подвижки в науке, в принципе, не должны осуществляться по указке сверху, но, как показывает опыт разных стран (от России до Германии), они зачастую именно так и проводятся. Сначала, например, убирают политэкономия из курсов университетских программ, потом отправляют на пенсию ученых и преподавателей, которые не успели «перестроиться», потом, через 20–25 лет, «вдруг» оказывается, что подавляющее большинство экономистов-теоретиков попросту не знает ничего, кроме микро- или макроэкономики (вариант – нового институционализма)...

Подытожим: обращение к систематизации, построенной на методологии классической политэкономии (при использовании выводов других школ), позволяет дать, как мы постарались показать выше, содержательную картину нынешней экономической жизни и сделать жесткие выводы о необходимых направлениях ее трансформаций.

Литература

- Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.
- Бузгалин А.В. Переходная экономика М.: Таурус, 1994.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Стратегия опережающего развития // Свободная мысль. 1996. № 9. С. 76–88.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Введение в компаративистику (Исследование и сравнительный анализ социально-экономических систем: методология, теория, применение к переходным экономикам): учеб. пособие. М.: Таурус Альфа, 1997.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Экономика: «Периодическая система элементов» (к вопросу о структуризации и типологизации экономических

систем) // Вопросы экономики. 2001. № 12. С. 46–61.

- Бузгалин А.В., Колганов А.И. «Рыночноцентрическая» экономическая теория устарела // Вопросы экономики. 2004. № 3. С. 36–49.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Экономическая компаративистика: Сравнительный анализ экономических систем. М.: ИНФРА-М, 2005.
- Бузгалин А., Колганов А. Российская экономическая система: некоторые итоги «реформ» // Проблемы теории и практики управления. 2014а. № 8. С. 8–19.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Российская экономическая система: специфика рынка и его корпоративно-государственное регулирование // Проблемы теории и практики управления. 2014б. № 9. С. 8–16.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Российская экономическая система: специфика отношений собственности и внутрикорпоративного управления // Проблемы теории и практики управления. 2014в. № 10. С. 8–17.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Экономика для человека. Тезисы к разработке стратегии опережающего развития // Экономика для человека; социально ориентированное развитие на основе прогресса реального сектора: материалы Московского экономического форума / под ред. Р.С. Гринберга, К.А. Бабкина, А.В. Бузгалина. М.: Культурная революция, 2014г. С. 32–43.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал: в 2 т. Т. 1. Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). Изд. 3-е, испр. и сущ. доп. М.: ЛЕНАНД, 2015.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. В поисках будущего России: Экономика для Человека или Стратегии опережающего развития III // Стратегия опережающего развития – III. Т. 1: Российские модернизации: диагнозы и прогнозы / под общ. ред. А.В. Бузгалина, Р. Крумма. М.: ЛЕНАНД, 2011. С. 298–352.
- Булавка Л.А. Советская культура как идеальное СССР // Культура. Власть. Социализм. Противоречия и вызовы культурных практик СССР. М.: ЛЕНАНД, 2013.

- Булавка-Бузгалина Л.А. Советская культура: вектор разотчуждения (философский дискурс) // Философия хозяйства. 2015. № 4. С. 161–168.
- Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Цит. по: Энгельс Ф. Диалектика природы. М.: Госполитиздат, 1953.
- Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969.
- Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1976.
- Клейнер Г.Б. Системная парадигма и экономическая политика // Общественные науки и современность. 2007. № 2. С. 141–149; № 3. С. 99–114.
- Клейнер Г.Б. Новая теория экономических систем и ее приложения // Вестник РАН. 2011. № 9. С. 794–809.
- Клейнер Г.Б. Системная экономика как платформа развития современной экономической теории // Вопросы экономики. 2013а. № 6. С. 4–28.
- Клейнер Г.Б. Какая экономика нужна России и для чего? (опыт системного исследования) // Вопросы экономики. 2013б. № 10. С. 4–27.
- Клейнер Г.Б. Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории. Часть 1 // Вопросы экономики. 2015. № 12. С. 107–123.
- Клейнер Г.Б. Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории. Часть 2 // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 117–138.
- Коуз Р. Фирма, рынок и право / пер. с англ. Б. Пинскера. М.: Дело ЛТД, 1993.
- Сакс Дж. Рыночная экономика и Россия. М.: Экономика, 1994. С. 25–27.
- Стратегия опережающего развития – III: в 2 т. / Под общ. ред. А.В. Бузгалина, М.И. Восейкова, Р. Крумма. М.: ЛЕНАНД; Культурная революция, 2011.
- Стратегия опережающего развития для России XXI века: Тезисы докладов и сообщений межд. научн. конф. Москва, 18–19 июня 1999 г.: в 7 ч. М., 1999.
- Человеческий потенциал модернизации России (Стратегия опережающего развития – 2006): Доклады и выступления на Международной научной конференции, 20–21 апреля 2006 г. / под общ. ред. А.В. Бузгалина, А.И. Колганова. М.: ЛЕНАНД, 2006.
- Шлычков В.В. «Ручное управление» как проявление институционального кризиса и деформации существующей модели российской экономики // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 4. С. 144–149.
- Aslund A. How Russia became a market economy. Brookings, 1995.
- Coase R. The nature of the firm // *Economica*. 1937. November. P. 386–405.

Рукопись поступила в редакцию 08.04.2016 г.